

Тем временем на улицах вовсю ползли слухи. Поговаривали, будто божественный целитель Цзян Шэнлинь, едва прибыв в Цзиньчэн, отказался встречаться с кем бы то ни было — будь то глава Альянса боевых искусств или старейшины других кланов, — но особо выделил и пожелал видеть только Чжу Яньиня.

— Почему?

— Должно быть, всё из-за владыки дворца Ли.

Их дневную встречу снова начали бурно обсуждать. Слухи передавались из уст в уста, обрастая всё более нелепыми подробностями, и в конце концов история о том, как «Второй молодой господин Чжу и владыка дворца Ли мирно беседовали на главной улице», превратилась в то, что «владыка дворца Ли прямо там обнажил Меч Сянцзюнь и исполнил для Второго молодого господина Чжу танец с мечом из восемнадцати движений».

А почему он танцевал для него? Разумеется, потому что их связывали далеко не простые отношения.

Откуда же взялась эта глубокая связь? Эта история берет свое начало дождливой ночью восемнадцать лет назад.

Под завывание ветра за окном Чжу Яньинь спал сладко и безмятежно. Он и понятия не имел, что при тусклом свете свечей в тавернах, за разговорами собравшихся вокруг столов людей из Цзянху, он уже перестал быть родным сыном своего отца. Теперь в их байках он превратился в подкидыша, найденного у реки, а в его родной усадьбе Чжу в Цзяннани кипели такие нешуточные страсти и интриги, что «в усадьбе Чжу, пожалуй, чистыми остались разве что те два каменных льва у ворот, а вся прочая живность, вплоть до кошек и собак, погрязла в грехе».

Узнай об этом без вины оклеветанный господин Чжу, он бы наверняка лопнул от злости.

История же о владыке дворца Ли оказалась еще более причудливой. Мало того что у него обнаружилось столь же полное трагизма и жажды мести прошлое, так он еще и в полнолуние якобы превращался в юную деву. А пошло это вот откуда: владыка дворца Ли обнажил Меч Сянцзюнь и исполнил для Второго молодого господина Чжу танец из восемнадцати движений. Владыка Ли исполнил восемнадцать движений... Владыке Ли восемнадцать лет... Владыка Ли танцует... Восемнадцатилетний владыка Ли исполняет изящные танцы — от «Испуганного лебедя» и «Вихря ху» до «Тонкой талии» и «Радужных перьев».

Раз уж дело дошло до «Радужных перьев», то без превращения в девушку никак не обойтись, так что время от времени ему приходилось менять облик.

Впечатляет, ничего не скажешь.

Прием больных Цзян Шэнлинь вел в Башне Сюаньлинь.

В боевом мире мало кто знал о его дружбе с Ли Суем. Все лишь поговаривали, что божественный целитель Цзян ведет бродячую жизнь и найти его невероятно трудно. Что же касается его характера, то тут слухи ходили самые разные, и никто не знал, каков он на самом деле.

За последние несколько дней Чжу Яньинь прочитал немало приключенческих романов о Цзянху, и во всех них лекари описывались как люди крайне суровые, готовые при первой же размолвке пригрозить пациенту облысением или бессилием. Это нагоняло на него страх: вдруг

Цзян Шэнлинь окажется таким же? Поэтому он раздумывал, не прихватить ли с собой каких-нибудь редких деликатесов и снадобий, ведь, как говорится, дающего не бьют.

Чжу Сяосуй заботливо расправил подол его одеяния:

— Время еще раннее, может, мне сходить с вами, молодой господин, в лавку сушеных продуктов?

Чжу Яньинь взял шляпу с вуалью. Стоило подуть ветру, как длинная кисея хаотично затрепетала на ветру.

Стоило ему выйти из дома, как взгляды прохожих из Цзянху тут же устремились на него. После ночной эстафеты слухов между Вторым молодым господином Чжу и Великим владыкой дворца Ли теперь пролежала неразрывная связь — они не просили родиться в один день, но желали умереть в один час; словом, подоплека была поразительной.

Чжу Сяосуй проворчал:

— Почему они опять на нас уставились?

Чжу Яньинь ответил, что в этом нет ничего удивительного: все вокруг одеты в простые дорожные одежды, и лишь его Чжу Сяосуй обрядил в несколько слоев цзяннаньской узорчатой парчи. Он выглядел чужаком, оттого и привлекал внимание. Уж лучше завтра переодеться во что-то более скромное.

— ...Ни за что! — отрезал Чжу Сяосуй. — Молодой господин не может носить грубую холстину. Нельзя ронять достоинство усадьбы Чжу в Цзяннани!

На улице всходило утреннее солнце. Его теплые лучи пробивались сквозь туманную дымку пыли, освещая бескрайние серые стены и крыши домов. Цзиньчэн казался величественным и суровым — и дома, и повозки здесь поблекли и обветшали под порывами пустынных ветров. И если смотреть вниз с высокой башни, единственным ярким пятном на фоне этой серости оставался неторопливо шествующий по улице Второй молодой господин Чжу — утонченный, облаченный в белоснежные шелка.

Простые люди глазели на него.

Люди из Цзянху глазели на него.

Лазутчики Демонического культа тоже не сводили с него глаз.

Альянс боевых искусств во всеуслышание объявил о походе против Храма Фэньхо, и Читянь, разумеется, не собирался сидеть сложа руки. Он давно подослал своих людей в Цзиньчэн. Сейчас они прятались в тени, пристально следя за лавкой сушеных продуктов. Чжу Яньинь долго перебирал товар, но так ничего и не выбрал. Тогда услужливый лавочник вежливо усадил его отдохнуть, а сам со всех ног бросился к хозяину за лучшим товаром.

Это лишь укрепило подозрения лазутчиков Демонического культа: внезапно разлетевшиеся вчера слухи возникли не на пустом месте. Между Чжу Яньинем и Ли Суем определенно существовала тайная связь, иначе с чего бы всем вокруг так перед ним лебезить?

В Башне Сюаньлинь Цзян Шэнлинь собирал лекарский сундучок для дневного приема. Ли Суй с хмурым видом уставился на него:

— Над чем ты смеешься?

Божественный целитель Цзян ответил, что вовсе и не смеется, а сам покатылся со смеху:

— Ха-ха-ха-ха-ха!

Ли Суй шевельнул большим пальцем, и Меч Сянцзюнь наполовину вышел из ножен.

Цзян Шэнлинь поднял руки в знак примирения и перестал сдерживаться:

— Скажи на милость, это какой же ум нужно иметь, чтобы выдумать бродящие по улицам слухи?

Когда он впервые услышал их от тайных стражей, то едва не расплакался от смеха. Но Ли Сую было не до веселья. Он придвинул стул и сел:

— Когда он придет?

— Кто?

— Чжу Яньинь.

— Должно быть, скоро, — ответил Цзян Шэнлинь и тут же почувал неладное. — Погоди, неужели ты и впрямь подозреваешь, что с ним что-то не так?

Не успели эти слова сорваться с его губ, как вошел подчиненный с докладом: лазутчики Храма Фэньхо неотступно следуют за Чжу Яньинем и, судя по всему, уходить не собираются.

Цзян Шэнлинь спросил:

— Был ли у них какой-то контакт?

— Нет, — ответил подчиненный. — Второй молодой господин Чжу с самого утра отправился на улицу Хуян за сушеными припасами и до сих пор находится в лавке.

Цзян Шэнлинь повернулся к Ли Сую:

— Либо он действительно связан с Демоническим культом, либо люди культа поверили слухам и решили напасть на него. Но в любом случае тебе, похоже, придется вмешаться.

Ли Суй лишь презрительно усмехнулся:

— Если он и впрямь из Храма Фэньхо, это упростит нам задачу.

.....

Тем временем на улице Хуян Чжу Яньинь выложил круглую сумму и скупил почти все лучшие запасы, которые лавочник припрятал для особых случаев. Оставшись довольным покупкой, он вместе с Чжу Сяосуем отправился обедать. Они держали путь в заведение под названием «Феникс», чье имя само по себе говорило о роскоши. Шеф-повара туда пригласили из самого Ванчэна, дела шли в гору, так что столик приходилось бронировать заранее.

Чжу Яньинь не знал этих правил. Лишь придя на место, он услышал от трактирщика, что свободных мест нет и придется немного подождать.

— Ничего страшного, подождем, — сказал Чжу Яньинь. — Принеси нам пока чайник чаю.

Трактирщик угодливо кивнул и проводил гостей на второй этаж, где поставил у стены небольшую скамью, чтобы они могли присесть.

Чжу Сяосуй вытянул шею:

— А вон там разве не свободный столик?

— Разве ты не слышал, что только что сказал трактирщик? Его забронировали заранее, — ответил Чжу Яньинь. — Мы все равно никуда не торопимся, к чему спешить? Если проголодался, сходи купи себе баоцзы.

— Я просто боюсь, как бы мы не опоздали на ваш прием к лекарю, молодой господин, — Чжу Сяосуй приоткрыл крышку чайника и уже собирался высказать свое господское фи на тему «как можно пить эти помои», когда с лестницы донеслись шаги целой толпы.

Они шли шумно и важно. Не нужно было даже всматриваться в лица — одни их манеры уже казались до боли знакомыми.

Это был молодой господин из Банды Цанлан, чье расточительство вчера вызвало у всех зависть. Как же его звали... Ах да, Тань Шуцю.

В имени «Шуцю» таился поэтический образ далекого осеннего леса на закате, вот только сам этот человек поэтичностью не отличался. Чжу Яньинь лишь мельком взглянул на него и продолжил пить чай, переведя взор в другую сторону. Но беда в том, что даже если ты не ищешь неприятностей, они сами тебя находят. История о том, как Тань Шуцю выложил шестикратную цену за кучу бесполезного хлама, уже разлетелась по всему городу. Мало того что он опозорился, так еще и в постоялом дворе отец устроил ему знатную головомойку. Сейчас он буквально кипел от злости, и стоило ему завидеть Чжу Яньиня, как этот гнев вспыхнул с новой силой.

Он громко фыркнул, да так, что сидевший к нему спиной Чжу Сяосуй даже вздрогнул.

Слуги из Банды Цанлан вчера сболтнули лишнего и теперь искали любую возможность загладить вину перед хозяином. Увидев, что их молодой господин выказывает недовольство, они тут же принялись поддакивать с язвительной усмешкой:

— Кое-кто из деревенщины всерьез полагает, что в «Феникс» можно заявиться просто потому, что у него завелась пара монет?

Чжу Сяосуй с негодованием уставился на этих неотесанных мужланов. Будь его воля, он бы давно ответил им крепким словом. Но помня, что молодому господину нужно на прием к лекарю — а это дело первостепенной важности, затягивать которое нельзя, — он лишь сердито зыркнул на них:

— Если у вас есть столик, так идите и ешьте, чего вы тут дорогу загораживаете?

Тань Шуцю покосился на Чжу Яньиня. Тот безмятежно пил чай и смотрел в окно. При желании это можно было счесть за молчаливое признание поражения. Проявив «великодушие», Тань Шуцю решил пока оставить его в покое и вместе со слугами гордо прошествовал к своему зарезервированному столу.

Чжу Сяосуй еще раз убедился, что люди из Цзянху поголовно лишены здравого смысла. Он пододвинул столик и скамью еще ближе к стене, чтобы их никто не беспокоил.

Немного погодя Чжу Яньинь протянул ему блюдо с семечками:

— Если тебе всё еще обидно, хочешь, я пойду и немного подразню его?

<http://bllate.org/book/18290/1754024>